

УДК 821.161.1

И. Г. Трегубова¹

ОСИП И НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

*«И блаженных жен родные руки
легкий пепел соберут...»*

О.Мандельштам

«Я нахожусь — Владивосток, СВИТЛ, 11-й барак. Получил 5 лет за к.р.д. по решению ОСО. Из Москвы из Бутырок этап выехал 9 сентября, приехал 12 октября. Здоровье очень слабое. Истощен до крайности, исхудал, незнаем почти, но посылать вещи, продукты и деньги — не знаю, есть ли смысл. Попробуйте все-таки. Очень мерзну без вещей. Родная Наденька, не знаю, жива ли ты, голубка моя. Ты, Шура, напиши о Наде мне сейчас же...»

Это строки из письма Осипа Мандельштама брату. Последние слова письма обращены к верной спутнице его жизни — жене Надежде, разделявшей с ним и ссылку, и тяготы ареста, спасшей и сохранившей для нас рукописи поэта.

Надежда Яковлевна Мандельштам (Хазина) родилась 30 (18) октября 1899 года в самом конце XIX века. Отец ее был присяжным поверенным, мать — врачом. Жили в Киеве, Надя училась в гимназии. Она считала себя художницей и какое-то время работала в мастерской Александры Экстер. В 19-м году в Киеве появился Мандельштам. Встреча произошла в поэтическом подвальчике «Хлам» (Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты). Это была любовь с первого взгляда. Но, увы, очень скоро им пришлось расстаться: Мандельштаму опасно было оставаться в Киеве после ухода большевиков. Уезжая на юг, он обещал Наде Хазиной, что вернется и заберет ее. Действительно, через полтора года, в марте 1921-го, он разыскал ее. С тех пор они не расставались до 1 мая 1938 года — дня его последнего ареста.

Годы, прожитые с поэтом, было, конечно, самыми счастливыми для Надежды Яковлевны, но и самыми трудными.

¹ © Ирина Геннадьевна Трегубова, преподаватель Академического колледжа Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, ул.Гоголя, 41, г.Владивосток, Приморский край, 690014, Россия, E-mail: tr.ira@inbox.ru.

Сейчас об Осипе Мандельштаме написано больше, чем написал он сам. Самоуверенный и растерянный. Непрístupно-настороженный и лежковерный. Эгоистичный и отзывчивый. Агрессивно-злой и кроткий. В высшей степени обаятельный, совершенно невыносимый для окружающих. И почти всегда — беспомощный.

«...Он немножко бестолковый, ...какой-то бездомный. К нему бы нужно приставить хорошую русскую няню, которая бы мыла его и кормила манной кашей». (Э.Голлербах).

А как же Наденька?

«Русской няней» она ему не стала. Такая же безбытная. Осип Эмильевич даже называл ее «моя нищенка».

Надежда Яковлевна была на 8 лет младше поэта, и сама признается, что пришла к Мандельштаму легкомысленной девчонкой, дикаркой и разрушительницей, желающей продолжения праздника. Мандельштам огорошил ее вопросом: «А кто тебе сказал, что ты должна быть счастливой?» — и усадил за работу, которая ей и не снилась, приучая к нищете и «совместному дегтю труда». Он заставлял жену записывать его стихи, «Путешествие в Армению», «Разговор о Данте», учить наизусть «Четвертую прозу». Как будто предвидел, какая судьба ждет его и ее, и рыл одну из своих «барсучьих нор».

И вот — год 1934-й. Из «Воспоминаний» Надежды Мандельштам: «Внезапно около часа ночи раздался отчетливый, невыносимо выразительный стук. «Это за Осей»,- сказала я и пошла открывать». Первый арест. Главным поводом, разумеется, были стихи.

...Мандельштам содержался в двухместной камере, после изнуренных допросов по ночам ему казалось, что он слышит за стеной голос, похожий на голос жены. Но, может быть, это уже были галлюцинации?

Результатом следствия стал приговор: «Мандельштама... выслать в г. Чердынь сроком на три года».

28 мая состоялось свидание с женой. Первое, что бросилось в глаза Надежде Яковлевне, — обе руки мужа забинтованы. Оказалось, он перерезал себе вены лезвием бритвы...

На свидании разрешилась причин столь мягкого приговора. На то была высочайшая «милость» — «изолировать, но сохранить». Вторым чудом было то, что Надежде Яковлевне предложили сопровождать мужа в ссылку.

*«Твой мир, болезненный
и странный, Я принимаю, пустота!»*

До Чердыни ехали в вагоне под охраной трех солдат. Здесь Осип Мандельштам вновь подумал о самоубийстве, и это было началом

II. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

психического расстройства. По приезде Надежда Яковлевна приложила все усилия, чтобы добиться госпитализации. Получилось. Им отвели огромную пустую палату, где поставили две койки. «Я не спала пять ночей, — вспоминает жена поэта, — и сторожила безумного изгоя. Истомившись бесконечной белой ночью, под утро забывалась каким-то тревожным, как бы прозрачным сном». И все-таки не доглядела. Мандельштам выбросился из окна второго этажа земской больницы. Обошлось: вывих правого плеча.

Дальнейшая жизнь в Чердыни протекала относительно спокойно. Надежда Яковлевна тратила последние деньги на телеграммы с просьбой о помощи. Благодаря хлопотам брата Мандельштама — Александра Эмильевича — им разрешили провести оставшийся срок в другом городе. Прилагался список «запрещенных» населенных пунктов и областей. Мандельштам выбрал Воронеж.

*«И страстно стучит рок
в запретную дверь к нам...»*

После воронежской ссылки Мандельштам пытался зацепиться в Москве. Он пришел к секретарю Союза Владимиру Ставскому, тот был занят и не встретился с поэтом. Из Союза Мандельштам отправился в Литфонд, и там, на лестнице, с ним случился приступ стенокардии. Вызвали «скорую».

В марте Ставский все же принял Осипа Эмильевича. Был очень внимателен, пожелал хорошего отдыха (Мандельштаму накануне была предложена путевка в санаторий), обещал после возвращения помочь с работой. Хотя знал, что возвращения не будет: сам отправил Ежову письмо-приговор.

Дни, проведенные Мандельштамами в санатории, были едва ли не лучшими в их жизни. Они сами выбрали время отъезда. На станции Черусти, за Шатурой, их, как господ, ждали розвальни с овчиной, лошадки отправились по скрипучему снегу в двадцатипятиверстный путь. Оказалось, что главврача предупредили о приезде, ему было велено создать все условия для отдыха поэта. «Март стоял холодный, и мы слышали, как в лесу трещат сосны. Лежал глубокий снег, и мы ходили на лыжах», — вспоминает Надежда Яковлевна.

Наступил май. Дали отпраздновать Международный праздник трудящихся. И нагрянули под утро.

«Мы сошлись с О.М. первого мая 19-го года, — (вновь возвращается к прошлому в своих «Воспоминаниях» Надежда Яковлевна). — Мы расстались первого мая 38-го ягода, когда его увели, подталкивая в спину, два солдата. Мы не успели ничего сказать друг другу — нас оборвали на полуслове и нам не дали проститься».

Вот так, седой, слепой, безрукий (правая рука так и не двигалась после перелома), с трудом передвигающийся (в то время он ни на шаг не отпускал от себя жену, боясь припадка), ни с кем не простившись, он отбыл в неизвестность. Таким, если не хуже, его погружали в эшелон. Смерть еще подождет четыре месяца, но для всех он уже как бы растворился, растаял и стал воспоминанием — добрым, дурным, печальным.

*«Душно,-
и все-таки до смерти хочется жить...»*

Почему-то за высокими примерами женской верности мы обращаемся к античным временам. Самые близкие к нам образцы, ставшие хрестоматийными, жены декабристов. Но вот же, наша современница, лицом к лицу: Надежда Мандельштам. Она и во Владивосток, на гибельную Вторую Речку кинулась бы за ним, только бы позволили.

Вот строки чрезвычайной силы и достоинства, обращенные к самому Берии: «Мне не ясно, каким образом велось следствие о контрреволюционной деятельности Мандельштама, если я — вследствие его болезни в течение ряда лет не отходившая от него ни на шаг — не была привлечена к следствию в качестве соучастницы или хотя бы свидетельницы».

Безумные слова: жена осужденного просит — кого, Берию! — считать ее соучастницей...

Да, она не была для поэта «русской нянькой», скорее, как сама определила себя, — «товарищем черных дней». А еще было в ней что-то от Булгаковской Маргариты. Она также «сливалась» с творениями своего Мастера, также спасала его рукописи, также бережно хранила о нем память.

Увы, помочь мужу Надежда Яковлевна ничем не могла. Адская карательная машина уже завертелась. В сентябре Мандельштам вместе с другими осужденными по 58-й статье в вагоне товарного поезда двигался по направлению к пересыльному лагерю во Владивостоке. На краю земли эшелон остановился. Утро 12 октября 1938 года. Последний тупик под названием «19-й километр».

Больной, задыхающийся Мандельштам переступал едва-едва, на него орали и заключенные, и лагерное начальство. Старшие бараков объявили свободные места. Осип Эмильевич оказался в 11-м. Что говорить, было страшно и жутко, тяжело и невозможно. И даже здесь он думал о ней, о Наденьке. Был уверен, что она тоже арестована. Сохранилось свидетельство Казарновского, отбывавшего срок вместе с Осипом Эмильевичем, что поэт умолял его, Казарновского, если

II. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

выживет, непременно отыскать жену: «Попросите Литфонд, чтобы ей помогли».

*«Есть женщины,
сырой земле родные,
И каждый шаг их-
гулкое рыданье.
Сопровождать воскресших
и впервые
Приветствовать умерших-
их призванье».*

После гибели Мандельштама Надежда Яковлевна вела жизнь затравленного зверя. Вернуться в Москву она не могла. Дома не было. Из Калинин она уехала накануне той ночи, когда за нею пришли. В Струнине ее не арестовали из-за молчаливой демонстрации ткачих, с которыми она работала на фабрике, и той же ночью она вновь уехала. Потом жила в Малоярославце, еще где-то, опять в Калинин.

Во время войны Ахматова спасла ее, перетащив в Ташкент. Там Надежда Яковлевна успела окончить — вероятно, заочно — университет и получить диплом

преподавательницы английского языка. Уже после войны она жила в Ульяновске, Чите, Чебоксарах, Пскове, пока не

вышла на пенсию. Но все это время хотела одного: затеряться, чтобы о ней забыли. А еще — выжить для того, чтобы сохранить наследие Мандельштама — Поэта, Мастера, чтобы узнать правду о его смерти и рассказать о ней потомкам.

Надежда Яковлевна умерла 29 декабря 1980 года, пережив мужа на 43 года. В ограде ее могилы на Старокунцевском кладбище Москвы, как бы под сенью ее дубового креста с вырезанной на нем молитвой, стоит небольшой серый камень — своеобразный эллинский кенотаф. «Светлой памяти Осипа Эмильевича Мандельштама».